

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174

EDN: WRSAUU

Научная статья / Research Article

Обмен военнопленными как арена идеологической борьбы в годы Корейской войны

Н.Н. Ким

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, *Москва,*
Российская Федерация

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ nkim@iaas.msu.ru

Аннотация. Корейская война (25.06.1950–27.07.1953) — многоплановый конфликт эпохи холодной войны, в котором национальные интересы двух корейских государств, КНДР и Республики Корея (РК), оказались сложным образом переплетены с интересами крупнейших держав: СССР, США, КНР. С самого начала войны (25 июня 1950 г.) в ООН выдвигались разные предложения по достижению мира и возвращения ситуации в статус-кво. Но по разным причинам война затянулась. Переговоры о перемирии стартовали в июле 1951 г., а завершились только 2 года спустя подписанием соглашения. Одной из причин затягивания переговоров было несогласие сторон по вопросу обмена военнопленными. Цель исследования — выяснить, каким образом идеологическое противостояние сторон военного конфликта (США, РК — КНДР, КНР, СССР) повлияло на переговоры по обмену военнопленными и дальнейшее отношение к военнопленным на родине после их репатриации (на примере американских и британских военнопленных). В результате исследования сделан вывод о том, что десятки тысяч военнопленных были объектом идеологической пропаганды и манипуляции со стороны как США, командующими силами ООН, так и КНДР и КНР. Идеологическое противостояние сторон стало одним из главных факторов напряжения внутри лагерей, угрожая жизни и безопасности военнопленных.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея, идеология, холодная война

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 19.10.2025; принята к публикации 20.12.2025.

Для цитирования: Ким Н.Н. Обмен военнопленными как арена идеологической борьбы в годы Корейской войны // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 2. С. 152–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174> EDN: WRSAUU

© Ким Н.Н., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The exchange of prisoners of war as a site of ideological confrontation during the Korean war

Natalia N. Kim

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

National Research University Higher School of Economics, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ nkim@iaas.msu.ru

Abstract. The Korean War (25.06.1950–27.07.1953) represents a multifaceted conflict of the Cold War era, in which the national interests of the two Korean states, the Democratic People's Republic of Korea (DPRK) and the Republic of Korea (ROK), became intricately intertwined with the interests of major powers — the USSR, the USA, and the People's Republic of China (PRC). From the very outbreak of the war on June 25, 1950, various proposals for achieving peace and restoring the status quo were put forward at the United Nations. However, for various reasons, the war became protracted. Truce talks commenced in July 1951 and concluded only two years later with the signing of the Korean Armistice Agreement. One of the reasons for the prolonged negotiations was the disagreement between the sides regarding the exchange of prisoners of war. The aim of this study is to examine how the ideological confrontation between the sides of the military conflict (the USA and the ROK versus the DPRK, the PRC, and the USSR) influenced the negotiations on the POWs exchange and the subsequent treatment of repatriated prisoners in their home countries (on the examples of American and British POWs). As a result of the research, the author concludes that tens of thousands of POWs became object of ideological propaganda and manipulation by both the United States, commanding the UN forces, and the DPRK and the PRC. The ideological confrontation between the sides emerged as one of the primary factors of tension within the prisoner-of-war camps, threatening the lives and safety of the captives.

Keywords: DPRK, Republic of Korea, ideology, Cold War

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 19.10.2025; accepted 20.12.2025.

For citation: Kim NN. The exchange of prisoners of war as a site of ideological confrontation during the Korean war. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(2):152–174. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-2-152-174> EDN: WRSAUU

Введение

Корейская война (25 июня 1950 г. — 27 июля 1953 г.) представляет сложный конфликт, в котором национальные устремления КНДР и Республики Корея глубоко переплелись со стратегическими интересами ведущих держав — Советского Союза, Соединенных Штатов и Китая. Вступление в войну сначала сил ООН под командованием США, а затем китайских народных добровольцев привели во многом к оттеснению КНДР и РК на второй план

в вопросах разрешения данного конфликта, начавшегося как блицкриг сил Корейской народной армии (КНА) по захвату Южной Кореи и объединению Кореи вооруженным путем. В современной зарубежной историографии накоплен огромный объем работ, посвященных Корейской войне. Попытка охватить данное количество работ не представляется возможной для отдельного исследователя, тем более в рамках научной статьи. Вместе с тем до сих пор требуют дополнительного изучения и систематизации с учетом новых исследовательских задач, в особенности актуальных в рамках российской историографии Корейской войны, некоторые аспекты данного военного конфликта. К таковым относится тема военнопленных, ставшая одним из главных предметов спора между китайско-северокорейской и американской делегациями на переговорах о перемирии.

С самого начала войны, начавшейся 25 июня 1950 г., в ООН предлагались меры по достижению мира и возвращения ситуации в статус-кво. Тем не менее по разным причинам война затянулась, переговоры стартовали только 10 июля 1951 г. в Кэсоне, а в октябре того же года были перенесены в Пханмунчжом, где завершились 27 июля 1953 г. подписанием соглашения о перемирии¹. Одной из причин затягивания переговоров на столь длительный срок было несогласие сторон по вопросу обмена военнопленными. Рассмотрим тему обмена военнопленных в контексте идеологического противостояния государств — участников военного конфликта и их союзников: США (ООН), Южная Корея vs Северная Корея, Китай, Советский Союз.

Цель исследования — выяснить, каким образом идеологическое противостояние сторон повлияло на переговоры по обмену военнопленными, пребывание военнопленных в лагерях и их дальнейшую судьбу (на примере американских и британских военнопленных). Наше исследование ограничивается узким аспектом темы военнопленных, которая, естественно, гораздо шире. За рамками исследования остаются такие вопросы как интернирование военнопленных, организация лагерей, условия содержания, гибель военнопленных в лагерях, детали обсуждения обмена военнопленных на переговорах о перемирии. Автор исходит из гуманитарной позиции в отношении военнопленных и не выступает в защиту ни одной из сторон конфликта, каждая из которых несет ответственность за затягивание войны и гибель военнопленных в лагерях. Исследование основано на документах внешней политики США, ООН, мемуарах бывших военнопленных, материалах ТАСС (ГАРФ).

¹ Armistice Agreement // United Nations. URL: <https://peacemaker.un.org> (дата обращения: 25.09.2025).

О количестве военнопленных

На переговорах в Пханмунчжоме американская и китайско-северокорейская делегации неоднократно обменивались данными о количестве военнопленных, задержанных каждой стороной. Впервые обмен данными произошел в декабре 1951 г. Существующее между противниками недоверие постоянно провоцировало вопросы к обмениваемым числам. Северокорейская делегация предоставила список в количестве **11 559** военнопленных ООН, из которых 7142 — военнослужащие РК, 3198 — США². Американская сторона, располагая другими данными о военнопленных сил ООН, выразила свое неудовлетворение. Как докладывал генерал Риджуэй, командующий силами ООН в Корее, сторона противника сообщала разные данные о военнопленных ООН: «Ставка верховного главнокомандующего (СВГ) коммунистов публикует одни данные, по радио сообщают другие, а делегаты [на переговорах] — третьи. По официально данным СВГ коммунистов, с 25 июня по 25 декабря 1950 г. коммунисты захватили 38 500 военнопленных, с 26 декабря по 25 марта — 26 863. В первой половине войны **65 363** военнопленных. На основе официальных данных за первые 9 месяцев войны коммунисты не смогли отчитаться о более 50 тыс. военнопленных. Это не данные о пропавших без вести [нашей стороны], а официальные данные правительства коммунистов. Где пропавшие [военнопленные]?»³. На этот вопрос северокорейская сторона ответила, что у них нет такого количества военнопленных, как у сил ООН, поскольку они освобождают их на линии фронта, и командование ООН на самом деле просто недооценивает количество освобожденных лиц; также необходимо учитывать погибших от авиаударов, по болезни и дезертировавших⁴. Командование ООН подтвердило факт освобождения 177 военнослужащих ООН, которые вернулись назад с линии фронта, но не более того.

В свою очередь северокорейская сторона обвинила американцев, что они сообщают данные о военнопленных, которые отличаются от тех, что были переданы командованием ООН в Международный Комитет Красного Креста (МККК) в июне 1951 г. В частности, говорилось о недостающем количестве в 44 259 имен, из которых 34 786 принадлежали к регулярной армии, тогда как командование ООН изначально передало в Женеву список из **150 476** имен⁵. Северокорейцы запросили объяснение.

² The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 25 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1430 (дата обращения: 25.09.2025).

³ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 24 December 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1390 (дата обращения: 25.09.2025).

⁴ Ibid.

⁵ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 22 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1290 (дата обращения: 26.09.2025).

На это командование ООН ответило, что «текущий список включает **132 474** человека, разбитых по национальности следующим образом: северокорейцы — 95 531, китайцы — 20 700, южнокорейцы — 16 243. Последние из названных проживали 25 июня 1950 г. к югу от 38-й параллели. Большинство из них были задержаны силами ООН при подозрительных или враждебных обстоятельствах. Некоторые были партизанами, некоторые воевали на стороне северокорейской армии; некоторые были взяты под стражу в качестве меры безопасности, другие — в ходе военных действий»⁶.

После тщательной проверки всех военнопленных, завершённой командованием ООН в начале ноября 1951 г., 37 500 военнопленных были идентифицированы как бывшие гражданские лица, проживавшие на момент задержания к югу от 38-й параллели. «Процесс проверки и расследование всех лиц, задержанных в лагерях для военнопленных ООН, выявили наличие многих лиц, задержание которых было обусловлено различными случайными обстоятельствами, сопутствовавшими неразберихе, неотделимой от военных действий, и последующим перемещением больших масс гражданского населения»⁷. Иными словами, данные, отправленные ранее командованием ООН в МККК, были позднее пересмотрены с учетом характера и места задержания «военнопленных». Северокорейцы возразили, сказав, что не важно, где проживал человек на момент пленения, необходимо учитывать то, на какой стороне он воевал и обменивать «всех на всех»⁸. Известно, что во время «освобождения» захваченных территорий Южной Кореи, в КНА принудительно рекрутировались граждане Республики Корея: об этом свидетельствуют результаты реклассификации военнопленных в лагерях ООН. Американцы, в свою очередь, выразили недоумение, как можно обменивать «всех на всех», если под контролем командования ООН около 130 000 военнопленных, идентификация которых требует дополнительной проверки, тогда как у КНА — 12 000.

Всего за годы Корейской войны (с 25.07.1950 по 28.07.1953) силы ООН захватили 171 498 военнопленных противника, из которых 150 420 относились к КНА, а 21 074 — китайским народным добровольцам [1. С. 183]. Но это

⁶ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 23 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1320 (дата обращения: 26.09.2025).

⁷ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff, 21 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1180 (дата обращения: 26.09.2025).

⁸ The Commander in Chief, United Nations Command (Ridgway) to the Joint Chiefs of Staff. 23 December, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1320 (дата обращения: 26.09.2025).

общее количество пленных без учета их реклассификации, о чем сказано выше. Поэтому по итогам переговоров о перемирии к июлю 1953 г. обмену подлежали: со стороны ООН — около 132 000, КНА — 13 000 человек.

Добровольная репатриация: за и против

Командование ООН рассматривало разные варианты обмена военнопленными⁹, но в конечном счете выбор остановился на принципе «добровольной репатриации». 2 января 1952 г. делегация США в Пханмунчжоме предложила концепцию добровольной репатриации и обмен «один на один». Предложение тотчас было отвергнуто стороной противника как, прежде всего, несоответствующее Женевской конвенции об обращении с военнопленными 1949 г. США, будучи подписантами Женевской конвенции 1949 г., не ратифицировали ее на начало Корейской войны. КНДР и КНР даже не являлись подписантами данной конвенции, но согласились ей следовать в ходе войны. Так или иначе обе стороны официально придерживались положений Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Согласно ст. 118 Женевской конвенции, «военнопленные освобождаются и репатрируются тотчас же по прекращении военных действий»¹⁰. Т.е. конвенция не предусматривала возможность «добровольной репатриации», как того хотели американцы. Хотя в этой же статье ниже в следующем абзаце было сказано, что *«при отсутствии постановлений по этому вопросу в соглашении, заключенном сторонами, находящимися в конфликте, с целью прекращения военных действий, или при отсутствии такого соглашения каждая из держащих в плену держав сама составит и незамедлительно выполнит план репатриации согласно принципу, изложенному в предыдущем абзаце»*¹¹. Т.е. конвенция регулировала порядок репатриации в соответствии с соглашением между сторонами, которое теоретически могло предусматривать какой-то иной принцип. Но руководящий принцип, обозначенный четко в конвенции, сводился к обязательной и немедленной репатриации всех военнопленных конфликтующих сторон. Возможность отказаться от репатриации по Женевской конвенции есть только у раненых и больных, и то с некоторыми оговорками (ст. 109). Эта статья никак не противоречит ст. 7, 118,

⁹ The Commander in Chief, Far East (Ridgway) to the Advance Headquarters, United Nations Command, Korea. December 23, 1951. Foreign Relations of the United States, 1951. Volume VII. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=frus_007_0070_1340 (дата обращения: 26.09.2025).

¹⁰ Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. ООН. Конвенции и соглашения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_4.shtml (дата обращения: 12.09.2025).

¹¹ Там же.

на которые ссылались КНДР и КНР, а также их главный идеологический союзник — СССР.

Идея добровольной репатриации исходила из Госдепартамента, тогда как министерство обороны США изначально ее не поддерживало. Госсекретарь Ачесон писал, что гуманитарные аспекты репатриации стали тщательнее рассматриваться в США, памятуя о том, какое количество советских военнопленных, освобожденных после капитуляции Германии, подверглось репрессиям у себя на родине¹². Американские политики апеллировали к праву военнопленного отказаться от репатриации как проявление гуманизма и свободы. В этом смысле они руководствовались не буквой, а «духом» Женевской конвенции, который был исключительно гуманистичный. Но было бы излишне наивно полагаться исключительно на эмпатию американских политиков при выборе в пользу «добровольной репатриации» военнопленных. Не только международное право того времени говорило о правомерности «принудительной» репатриации, но и с практической точки зрения было выгоднее репатриировать всех военнопленных сразу после окончания войны, так как это освобождало командование ООН от решения вопроса размещения военнопленных, их обеспечения в случае отказа от репатриации.

Политическая мотивация, по всей видимости, была определяющей в выборе «добровольной репатриации». И здесь решающим было намерение США достичь идеологического превосходства над врагом, предоставив антикоммунистически настроенным военнопленным право остаться в Республике Корея или отправиться на Тайвань. Около 90 % северокорейских и китайских военнослужащих были захвачены в плен силами ООН к декабрю 1951 г., т.е. до предложения на переговорах «добровольной репатриации». К этому времени американцы уже располагали сведениями, что 50–70 % китайских военнопленных были выходцами из Гоминьдан, сдававшиеся в плен в т.ч. в надежде репатриироваться на Тайвань [1. С. 184]. Среди северокорейских военнопленных также было много антикоммунистов¹³. Учитывая неравное соотношение военнопленных у противоборствующих сторон, потенциальные издержки добровольной репатриации для США и их союзников были крайне малы. Если военнопленных КНДР и КНР

¹² *Acheson D. Present at the Creation: My Years in the State Department*. New York : W.W. Norton & Company, 1969. P. 653.

¹³ По итогу скрининга военнопленных в лагерях ООН в июле 1952 г. оказалось, что из 169 944 пленных 50,7 % высказались против репатриации в КНДР и КНР: среди китайских народных добровольцев — 68,5 % (14 251), выходцев из Северной Кореи — 35,6 % (34 196), выходцев из Южной Кореи — 71,2 % (11 622), задержанных гражданских лиц — 72 % (26 153). Результаты скрининга превзошли ожидания американцев: они полагали, что среди китайских добровольцев, например, где-то 15 % откажется от репатриации, а получилось почти 70 %. Это вызвало беспокойство в Госдепартаменте США, так как могло вызвать серьезные политические проблемы, связанные с текущими переговорами, имиджем командования ООН из-за растущих слухов о насилии в лагерях для военнопленных [1. С. 188–189].

насчитывалось десятки тысяч, то военнопленных сил ООН, включая южнокорейских военнослужащих, — около 13 тыс. Как покажет история обмена военнопленными, о чем будет сказано ниже, только единицы американских и британских военнопленных откажутся от репатриации в отличие от десятков тысяч северокорейских и китайских военнопленных, многие из которых впоследствии вольются в ряды военнослужащих Республики Корея и Китайской Республики (Тайвань).

Принцип «добровольной репатриации» вызвал дискуссию среди военных и политиков в США, так как не было единогласной позиции по этому вопросу. В этой связи уместно привести комментарий Карла Е. Лундина, члена коллегии адвокатов Коннектикута и служащего Адмиралтейского отделения Управления главного судьи ВМФ США в 1953 г. Он писал в одной из своих статей, что авторы Женевской конвенции не могли предвидеть, что в следующем крупном военном конфликте тысячи военнопленных пожелают не репатриироваться на родину [2. С. 561]. Признавая соответствие позиции коммунистов международному праву по вопросу обмена военнопленных, Лундин при этом отмечал, что право не является чем-то статичным, оно динамично развивается с учетом новых явлений. Холодная война поставила противостоящие стороны не только в состояние вооруженного конфликта, но и идеологического противостояния — битвы за умы людей. Лундин, таким образом, подводил к мысли, что в новых международных обстоятельствах взгляд на военнопленных мог претерпеть изменения, тем более что СССР и США стояли в Корейской войне по разные стороны баррикад, в отличие от Второй мировой войны, когда они были союзниками в борьбе с фашизмом. Женевская конвенция 1949 г. как раз была принята для того, чтобы разрешить назревшие проблемы, обозначившиеся в обращении с военнопленными по итогам Второй мировой войны.

Решение вопроса о порядке репатриации военнопленных затянулось до весны 1953 г. КНДР и КНР опасались, во-первых, что добровольная репатриация обернется моральной дискредитацией их армий, чьи военнослужащие массово предпочтут не репатриироваться, находясь под политическим давлением в лагерях ООН. По замечанию Ю.В. Ванина, китайско-корейская сторона отвергла принцип добровольной репатриации, «не без оснований узрев в ней возможность идеологической обработки пленных солдат КНА и китайских народных добровольцев, воспрепятствовать их возврату на прежнюю службу» [3. С. 236]. Во-вторых, между Ким Ир Сеном, с одной стороны, и Мао Цзэдуном и Сталиным — с другой, в ходе переговоров о перемирии со временем возникли разногласия по этому вопросу. Заняв изначально и единогласно жесткую позицию несогласия с американским предложением по обмену военнопленными, китайско-северокорейская сторона стала обвинять американцев в «насильственном задержании» их военнопленных,

в применении насилия вплоть до убийства военнопленных в лагерях ООН¹⁴. Когда американцы в феврале 1952 г. приступили к «самовольному», как считали северокорейцы, скринингу военнопленных на предмет согласия с репатриацией в КНДР и КНР, представленному формально как подсчет лиц для репатриации, то это только усилило возмущение противника на переговорах.

По мере изменения ситуации на фронте позиция Ким Ир Сена и Мао Цзэдуна понемногу смягчалась, и они шли на уступки. 5 марта 1952 г. китайско-северокорейская делегация отозвала свое требование о возвращении 37 тыс. военнослужащих КНА, которые были рекрутированы из граждан Республики Кореи, а 27 марта 1957 г. они уведомили, что не будут требовать репатриации военнопленных, чье место происхождения находилось на территории другой страны [4. С. 52]. При этом они по-прежнему были против «добровольной репатриации». 13 июля 1952 г. американцы предложили обменять 83 000 военнопленных КНА и китайских народных добровольцев, которые по итогу скрининга в лагерях ООН согласились с репатриацией в КНДР, КНР. Ким Ир Сен был готов на обмен в связи с массированными бомбардировками американской авиацией северокорейских электростанций, городов, обернувшимися массовыми жертвами среди гражданского населения и разрушением инфраструктуры. Но Мао был против такой уступки. Среди общего числа военнопленных, подлежащих обмену, только 23 % составляли китайские добровольцы, остальные — военнослужащие КНА [4. С. 55]. Мао телеграфировал Ким Ир Сэну, что предложение США является попыткой «посеять раздор» между Китаем и Северной Кореей. По его мнению, принятие данного предложения поставит Северную Корею в невыгодное военное и политическое положение. Он считал, что они должны продолжить войну, поскольку это «заставляет главные силы американского империализма сковываться и терпеть непрерывные потери на востоке. В то время как оплот мира во всем мире — Советский Союз может усилить свое строительство и оказывать свое влияние на развитие революционного движения народов всех стран. Это будет означать оттяжку новой мировой войны» [5. С. 112]. Мао пообещал помочь корейскому народу в разрешении трудностей. Поддержка Сталиным позиции Мао не оставила Ким Ир Сэну другого выбора как согласиться.

¹⁴ На совещании 30 мая 1952 г. в Пханмунчжоме генерал Нам Ир, глава китайско-северокорейской делегации, жестко раскритиковал американское командование за акты насилия в отношении китайских и корейских военнопленных. Он обвинял американцев в негуманном отношении к военнопленным, массовом кровопролитии, отказе предоставить продовольствие, и в целом в нарушении принципов Женевской конвенции. Transcript of Proceedings, Seventieth Session, 44th Meeting at Pan Mun Jom, Military Armistice Conference, 30 May 1952. 휴전회담 회의록 2 : 제27–158차 판문점 본회의 기록 (1951.10.25–1953.7.19) [Протоколы переговоров о перемирии, том 2: Стенограммы 27–158-го пленарных заседаний в Пханмунчжоме (25 октября 1951 г. — 19 июля 1953 г.)]. URL: https://db.history.go.kr/contemp/level.do?levelId=pn_002_0440 (дата обращения: 30.07.2025).

18 сентября 1952 г. силы КНА и китайских народных добровольцев начали наступательную операцию, что привело к временному прекращению переговоров. 22 февраля 1953 г. главнокомандующий силами ООН генерал Кларк предложил в первую очередь репатриировать больных и тяжелораненых военнопленных. Но Мао был против каких-либо уступок на тот момент времени, придерживаясь «политики борьбы и переговоров» и решения вопросов путем переговоров на благоприятных условиях. После долгих препирательств он согласился с предложением Кларка и добровольной репатриацией, но под давлением Советского Союза, который настойчиво стал требовать достижения перемирия [5. С. 119–122].

В современной историографии широко распространено мнение, что фактор смерти Сталина 5 марта 1953 г. стал главной причиной окончательного урегулирования всех разногласий между сторонами на переговорах о перемирии [3. С. 244]. Думаю, что это действительно было решающим фактором в достижении перемирия в 1953 г., но только с учетом всего предшествующего контекста развития событий и отношений между КНР, КНДР и СССР. Смерть Сталина и последовавшее за этим изменение курса нового советского правительства в отношении войны в Корее позволило достичь компромисса по вопросу обмена военнопленными, к которому ранее призывали США и КНДР, но по разным причинам затягивали КНР и СССР.

2 апреля 1953 г. председатель правительства КНДР Ким Ир Сен направил председателю 7-й сессии ГА ООН Пирсону телеграмму, которую просил распространить среди делегаций всех стран, исключая делегацию Китайской Республики (Тайвань). В этой телеграмме Ким Ир Сен выразил поддержку заявления Чжоу Эньлая от 30 марта 1953 г. относительно принципа «добровольной репатриации»¹⁵. В заявлении Чжоу Эньлая от 30 марта, а потом Ким Ир Сена от 31 марта (телеграмма в ГА ООН была направлена по итогу этих заявлений) говорилось, что Китай и КНДР согласны с предложением главнокомандующего вооруженных сил ООН генерала Кларка по поводу обмена больными и ранеными военнопленными, а также в целом с «добровольной репатриацией», но с условием, что те, кто откажется от немедленной репатриации после прекращения военных действий, будут переданы «нейтральному государству в целях обеспечения справедливого разрешения вопроса об их репатриации»¹⁶. Советский Союз официально поддержал предложения Китая и КНДР. Советский Союз официально поддержал предложения Китая и КНДР. В итоге, 11 апреля 1953 г. в Пханмунчжоме было подписано соглашение об обмене ранеными и тяжелооболными военнопленными и состоялся первый обмен.

¹⁵ ГАРФ. Р4459-27-14605. С. 172.

¹⁶ Там же. С. 192–193.

Политика перевоспитания в лагерях для военнопленных

Тема содержания военнопленных требует самостоятельного рассмотрения. Но текущий формат публикации не позволяет глубоко в нее погрузиться, поэтому ограничимся только освещением того, как идеологическая конфронтация сторон военного конфликта повлияла на содержание военнопленных в лагерях. Впервые в военной истории военнопленные стали объектом серьезной идеологической индоктринации: в северокорейских лагерях пропагандировали достижения стран социализма, а в лагерях ООН — достижения и преимущества западной демократии. Сами по себе эти программы не представляли бы угрозы для жизни военнопленных, если бы они не провоцировали противоречия между ними и лагерной администрацией, или между самими военнопленными: кто-то оказывался более лояльным лагерной пропаганде, кто-то менее, оказывая сопротивление, за что получали наказание, штрафы (в Северной Корее) [6. С. 199–206]; посещение политических программ в лагерях ООН расценивалось как открытое желание не-репатриироваться, что прямо могло угрожать жизни и безопасности военнопленного, если в его блоке (compounds) действовали группы военнопленных, поддерживающие репатриацию («коммунисты»). Согласно Женевской конвенции, посещение образовательных программ для военнопленных должно быть исключительно на добровольной основе, но фактически ситуация складывалась в разных лагерях по-разному.

Лагерь для военнопленных в Северной Корее частично управлялись китайской администрацией (командованием китайских народных добровольцев), частично — северокорейской (КНА). Все лагеря для военнопленных располагались на территории КНДР, до р. Амноккан, за исключением одного — так называемого Мукденского лагеря, возле современного г. Шэньян, провинция Ляонин.

Китайская администрация проводила политику снисходительности по отношению к военнопленным (lenient policy), которой следовали формально во всех лагерях в Северной Корее. Политика снисходительности базировалась на четырех принципах: 1) безопасность жизни; 2) сохранность личных вещей; 3) свобода от жесткого обращения и злоупотреблений; 4) медицинская помощь раненым и больным¹⁷. В пропагандистских материалах, издаваемых в КНР и КНДР в этот период на тему военнопленных ООН, всегда подчеркивался гуманный и великодушный характер политики снисходительности¹⁸. Материалы содержали многочисленные фотографии военнопленных, улыбающихся, в теплой одежде, пишущих письма родным и обращения в ООН,

¹⁷ 'United Nations' P.O.W.'S in Korea. Chinese People's Committee for World Peace. Peking, China; 1953. P. 3.

¹⁸ Our Fight for Peace. The U.S.-British War Prisoner's Peace Organization in Korea. Pyongyang: The "New Korea" Press; 1951.

и пр.¹⁹ Считалось, что военнослужащие сил ООН были введены в заблуждение своими «империалистическими правительствами», поэтому в случае раскаяния им будут прощены их преступления.

В целях перевоспитания «студентов», как китайская администрация называла военнопленных, значительную часть времени в лагерях была посвящена пропаганде и учебе, и главной мишенью были именно рядовые, а не офицеры, которых в силу образования и соответствующей кадровой подготовки было сложнее переубедить или завербовать. Начиная с 6:00 утра все военнопленные должны были пройти парадом по площади лагеря, во время которого им вещали про достижения коммунизма. В течение дня немало времени уделялось пропагандистской работе среди военнопленных. Тех, кто внимал пропаганде, проникался идеями мира, солидарности и социализма «премировали» в форме еды, сигарет, разных привилегий, и называли «прогрессистами», тех же, кто воспринимал уроки коммунизма отрицательно, именовали «реакционерами». К последним применялись пытки и наказания в форме помещения на длительное время в «ящики-парилки» (sweat box) высотой примерно 1 м, длиной 1,5 м, шириной 0,6 м [7. С. 79].

Кульминацией пропагандистской работы среди военнопленных стали «Олимпийские игры», прошедшие с 15 по 27 ноября 1952 г. в г. Пёктон (КНДР). В тот год в Хельсинки состоялись летние Олимпийские игры. Китайская администрация лагерей решила воспроизвести нечто похожее среди военнопленных с тем, чтобы еще больше сплотить их вокруг пропагандируемых ими идей мира, солидарности, коммунизма. Из военнопленных были созданы различные спортивные команды по странам. Помимо прочего, из них же были сформированы группы артистов, которые развлекали «спортсменов» во время «Олимпийских игр» песнями, плясками, комедийными шоу. Игры получились массовыми и зрелищными. В Пёктоне повсюду были развешаны многочисленные красные флаги, транспаранты с коммунистическими лозунгами. Так обеспечивалась помпезность мероприятия вопреки тому, что происходило оно в разгар войны и при участии военнопленных. Для того, чтобы все выглядело правдоподобно, северокорейские власти пригласили иностранных журналистов освещать спортивные события^{20, 21}.

Накануне начала переговоров о перемирии в северокорейских и китайских лагерях было инициировано движение за мир. 30 июня 1951 г. учреждена Организация за мир американских и британских военнопленных (ОМВ).

¹⁹ American POWs Calling from Korea. Peking: Foreign Languages Press, 1951.

²⁰ Felton M. War Zone — POW Camp, Korea 1952. 15 August, 2012. Military History Matters. URL: <https://www.military-history.org/feature/war-zone-pow-camp-korea-1952.htm> (дата обращения: 15.10.2025).

²¹ Horspool E. The “Reactionaries”: Buck, Hollis, Madden, Parker and Gwyther. 18 June 2020. Australian War Memorial. URL: <https://www.awm.gov.au/articles/blog/the-reactionaries> (дата обращения: 15.10.2025).

У ОМВ было две основные задачи деятельности: информационная и просветительская («воспитательная»). Центральный комитет ОМВ издавал два раза в месяц газету, в которой публиковался разнообразный материал: мировые новости, сводки с фронта, письма, обращения военнопленных и пр. Посредством газеты ЦК информировал военнопленных ООН о происходящих в мире событиях и, главным образом, о ситуации вокруг Кореи. Просветительская задача сводилась к беседам с военнопленными на тему войны, плена, мира с тем, чтобы убедить их в агрессивности намерений сил ООН и армии РК в Корее и сделать сторонниками движения мира. ЦК работал в тесном сотрудничестве с КНА и командованием китайскими добровольцами, поэтому все материалы, которые публиковались от имени организации, подвергали тщательной цензуре [7. С. 92].

В лагерях ООН на территории Южной Кореи также велась пропагандистская работа, но она не имела такого масштабного охвата, как в лагерях в Северной Корее. В апреле 1951 г. при командовании ООН было создано Управление информации и образования (УИО), в ведении которого находилась реализация образовательных программ в лагерях для военнопленных. Программа стартовала в июне этого же года в лагерях на о. Кочжедо и включала в себя, помимо политической части, где рассказывали о западной демократии и ее преимуществах, профессиональную подготовку (обучение навыкам столярного и кузнечного дела, ремонту обуви, пошиву одежды, кирпичной кладке), сельскохозяйственную подготовку и практику (инструктаж по фермерскому делу, работа в поле), обучение чтению и письму, рекреационные занятия (пение, кинофильмы, игра на музыкальных инструментах и пр.), занятия физкультурой, чтение в библиотеке, продолжение школьного обучения для лиц младше 19 лет, кто вынужденно прервал учебу по причине военной службы [8. С. 21–23]. Программа предусматривала 4 часа еженедельных занятий о демократии и целях ООН в Корее и ежедневное радиовещание, транслировавшее новости, развлекательные передачи, инструктаж. Радиовещание велось напрямую из лагерей, но также включало радиопередачи южнокорейского радио.

Когда американцы приступили к опросу военнопленных о репатриации, внутренняя обстановка в лагерях ООН стала крайне напряженной, что сделало невозможным стабильную и безопасную реализацию программ УИО. Военнопленные разделились на две группы — «коммунистов» и «антикоммунистов», сторонников и противников репатриации, и как между ними, а так и между военнопленными и охраняемыми отрядами возникали частые столкновения [9]²². Так 18 февраля 1952 г. военные части 25-й дивизии США вошли в блок 62 для проверки на репатриацию, военнопленные оказали

²² *Peters R., Li X. Voices from the Korean War: Personal Stories of American, Korean, and Chinese Soldiers. Lexington : University Press of Kentucky; 2004.*

сопротивление, размахивая дубинками, топорами, ножами, лопатами, кирками и бамбуковыми копьями, которые они заранее подготовили²³. Более 1000 военнопленных бросились на охранников, после чего был открыт огонь. По разным оценкам тогда погибли 55–77 военнопленных, десятки были тяжело ранены²⁴. Также погиб один американский солдат, а 38 получили ранения. В марте того же года произошло очередное столкновение, обернувшееся 12 погибшими среди военнопленных.

Кульминацией бунтов в лагерях ООН стал инцидент, произошедший в мае 1952 г., когда группа военнопленных захватила в заложники начальника лагеря бригадного генерала Фрэнсиса Додда (о-в Кочжедо). Военнопленные требовали от генерала признать публично, что охранные отряды сил ООН применяли насилие в лагерях. Назначенный вместо него генерал Ч.Ф. Колсон через 72 часа вынужден был выступить с заявлением, признав факты насилия над военнопленными и пообещав не совершать больше кровопролития, после чего пленника освободили [10. С. 130]²⁵.

После инцидента с захватом в заложники американского генерала Додда образовательные программы в лагерях ООН стали охватывать только тех, кто предварительно отказался от репатриации. Очевидно, что это была вынужденная мера, так как значительно снижала конфликтность в лагерях, где содержались «коммунисты», пожелавшие репатриироваться и, как следствие, оказывавшие сопротивление американской или южнокорейской пропаганде. Согласно Женевской конвенции, участие в таких программах должно осуществляться только на добровольной основе. В этом отношении сократив охват военнопленных образовательными программами, американцы ничего не нарушили. С мая 1952 г. по июнь 1953 г. ориентационные занятия по демократии прослушали 69 998 военнопленных. Сравнительно большое количество слушателей было на занятиях по чтению и письму (42 тыс.), сельскому хозяйству (13 674) и здоровью (15 007) [8. С. 30].

Репатриация и разъяснительная работа с военнопленными

Можно выделить три периода в истории обмена и репатриации военнопленных. Первый: апрель — май 1953 г. — обмен больными и ранеными («Little Switch») (684 военнослужащих ООН, 5640 северокорейцев, 1030 китайцев). Второй: август — декабрь 1953 г. — самый большой по численности обмен военнопленными («Big Switch»). В ходе данного обмена

²³ 고제 포로수요소 [Лагерь военнопленных на о-ве Кочжедо]. URL: <https://www.kh.or.kr/brd/board/741/L/menu/740?brdType=R&thisPage=1&bbIdx=102580&searchField=&searchText=> (дата обращения: 10.10.2025). (на кор. яз.).

²⁴ Acheson D. Op. cit. P. 654.

²⁵ Здесь важно отметить, что освобождением генерала Додда дело не закончилось. Бунт военнопленных был подавлен силами американских десантников, которые вошли в лагерь.

китайско-северокорейская сторона передала 12 773 военнопленных ООН, тогда как командование ООН — 75 823 корейских и китайских военнопленных²⁶. 22 604 корейских и китайских военнопленных, отказавшиеся от немедленной репатриации, были переданы в сентябре 1953 г. под контроль Нейтральной комиссии по репатриации. Третий: сентябрь 1953 г. — январь 1954 г. — период работы Нейтральной комиссии по репатриации, в ходе которой небольшая часть китайских и северокорейских военнопленных вернулась на родину, но значительная их часть была передана под контроль пленившей стороны — командования ООН.

Неожиданным для договаривающихся сторон, включая командование США, ООН²⁷, было решение президента Республики Корея Ли Сынмана освободить «антикоммунистических военнопленных», не дожидаясь официального обмена по итогам соглашения о перемирии. 18 июня 1953 г. по указу президента Республики Корея Ли Сынмана (1948–1960) из разных лагерей на территории Южной Кореи освободили 26 тыс. военнопленных (Пусан, Кванджу, Онсан, Пупхён, Йончхон, Тэгу). Южнокорейские власти и СМИ именовали их «антикоммунистическими патриотическими военнопленными» (*пангон эгук пхоро*). Для размещения их в Южной Корее правительство разработало специальные меры помощи с тем, чтобы обеспечить их безопасность. Несколько дней спустя после их освобождения на о. Чечжудо в лагере № 21 «антикоммунистические китайские военнопленные» организовали массовое выступление с требованием немедленного освобождения. В лагере содержались 5–6 тыс. китайских военнопленных. По замечанию представителя командования сил ООН по делам военнопленных, китайские военнопленные узнали об освобождении корейских военнопленных и потребовали того же²⁸.

Подробнее рассмотрим третий этап обмена военнопленными, так как он оказался самым политически сложным и, пожалуй, неоднозначным по своим последствиям для всех сторон конфликта. В ходе «Little Switch» и «Big Switch» произошел обмен военнопленными, которые согласились на репатриацию. Данный обмен, в отличие от третьего этапа, не сопровождался разъяснительной работой среди военнопленных по поводу их намерений о репатриации. Тех, кто отказался от немедленной репатриации после подписания соглашения о перемирии, передали под контроль Нейтральной комиссии по репатриации военнопленных (НК), состоявшей из представителей «нейтральных стран»: Чехословакии, Польши, Швейцарии, Швеции. Как видим по составу стран-членов, комиссия четко делилась по идеологическому принципу на два оппозиционных блока. Цель комиссии заключалась

²⁶ The Korean War and the American Red Cross. P. 7. URL: https://www.redcross.org/content/dam/redcross/National/history-korean-war.pdf?srsId=AfmBOorLcf1zanJbe3jHJktX4n-1kF_IuH13AkAH0EGjCPluFqkyxwk (дата обращения: 15.01.2026).

²⁷ Тона ильбо, 20.06.1953.

²⁸ Тона ильбо, 23.06.1953.

в организации в 90-дневный срок разъяснительной работы среди военнопленных, отказавшихся от немедленной репатриации после заключения соглашения о перемирии. На период действия Нейтральной комиссии военнопленных охраняли индийские войска.

Комиссия начала прием опеки над такими военнопленными 10 октября 1953 г. во временных лагерях в нейтральной зоне. В общей сложности под ее опеку к 23–24 октября 1953 г. командование ООН передало **22604** военнопленных, тогда как командование КНА и китайских народных добровольцев всего **359** военнопленных²⁹. С данными военнопленными должны были провести разъяснительную работу представители обоих командований. Цель такой работы заключалась в том, чтобы убедить как можно больше военнопленных вернуться домой. Китайско-северокорейская сторона очень надеялась, что хотя бы таким образом ей удастся вернуть максимальное число своих военнопленных назад, раз она пошла на уступки на мирных переговорах и согласилась с принципом «добровольной репатриации». Но довольно быстро стало очевидно, что даже такую работу гладко провести не удастся из-за разных препятствий, которые, по заявлениям северокорейских представителей, чинила американская сторона. В действительности имелись в виду разные «агенты» в южном лагере³⁰, которые мешали военнопленным явиться на разъяснительную работу³¹.

В итоге китайско-северокорейские представители использовали только малую часть времени, которая была отведена им под разъяснительную работу. По их оценкам, они вели такую работу в течение только 10 из 90 дней, вследствие чего «85 % военнопленных были лишены права прослушать разъяснения»³². 20 января 1954 г. индийские охранные войска начали передачу командованию ООН первых антикоммунистически настроенных военнопленных, отказавшихся от репатриации. Всего было передано 21 805 военнопленных³³. 23 января все они были освобождены командованием ООН, получив статус гражданских лиц. Освобожденные китайские военнопленные несли портреты Чан Кайши и Сунь Ятсена, по сообщению агентства Франс Пресс³⁴.

²⁹ ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 107.

³⁰ Так в отчетах НК именуют лагерь в нейтральной зоне, в котором временно содержались пленные сил ООН в 1953–1954 гг.

³¹ В докладе НК указывается на существование организаций среди военнопленных, которые несли ответственность за убийства военнопленных в южном лагере (в нейтральной зоне), где содержались китайско-северокорейские военнопленные. К таким выводам НК пришла по результатам военного трибунала, назначенного командующим индийскими охранными войсками за убийство в октябре 1953 г. китайского военнопленного Чжан Цзулуна. Эти организации препятствовали военнопленным посещать часы разъяснительной работы представителей китайско-северокорейского командования. ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 85–96.

³² ГАРФ. Р4459-27-15510. С. 4.

³³ Там же. С. 72.

³⁴ ГАРФ. Р4459-27-15509. С. 199.

Северокорейская сторона до последнего старалась убедить военнопленных вернуться на родину. Накануне освобождения всю ночь на Демилитаризованной зоне (ДМЗ) работали громкоговорители, предупреждая военнопленных: «Это ваш последний шанс увидеть родителей и близких. Если вы потеряете эту возможность, то вам долго придется бороться»³⁵. Начальник штаба индийских войск в Корее бригадный генерал Гурбакш Сингх заявил, что громкоговорители, установленные на северной стороне (ДМЗ) «не давали нам спать всю ночь»³⁶.

26 января 1954 г. в Пханмунчжоме состоялась пресс-конференция, на которой присутствовал 21 американец, отказавшийся от репатриации. В качестве официальной причины отказа вернуться домой они указали на существующий в США «маккартизм с его репрессиями, судом Линча и расовой дискриминацией». Их представителем было зачитано заявление, в котором было сказано, что «мы не коммунисты, хотя некоторые из нас надеются стать ими. Но здесь [в Северной Корее — Н.Н. Ким] мы научились многому, нам представилось то, чего может достичь человек, когда он работает на общее благо, а не для личного обогащения»³⁷. 28 января 1954 г. из лагерей в нейтральной зоне выехали в сторону Северной Кореи 347 военнопленных, в т.ч. 21 американец, один англичанин, 325 корейцев³⁸.

Капрал армии Эдвардс С. Диккенсон и рядовой Клод Батчелор были среди немногих американцев и англичан, отказавшихся от репатриации после подписания соглашения о перемирии. Позднее они передумали и попросили о репатриации в США. Капрал Диккенсон был арестован 22 января 1954 г. в военном госпитале США в Вашингтоне, куда поступил для медицинского освидетельствования. Его обвинили в сотрудничестве с тюремными властями и разглашении сведений о своих товарищах военнопленных³⁹.

Судьба Диккенсона, 23-летнего молодого американца, прошедшего 2,5 года в лагере для военнопленных в КНДР, сложилась в итоге печально на родине: его уволили из армии и приговорили к 10 годам тяжелых работ. Возможно, надеясь на сокращение срока наказания, Диккенсон в ходе допроса свидетельствовал против Батчелора. В свою очередь против Диккенсона свидетельствовали другие бывшие военнопленные, вернувшиеся в США. То же самое касается Батчелора, 22-летнего американца, который провел 38 месяцев в северокорейском плену. Его защита на суде доказывала, что Батчелора «перевоспитали» (brainwashed) в лагере № 5 в Пёктоне, убедив в том, что, сотрудничая с коммунистами, он действует в интересах США. Против Батчелора на суде свидетельствовали 15 бывших военнопленных. Один из них сообщил, ссылаясь на слова другого бывшего пленного, что

³⁵ ГАРФ. Р4459-27-15509. С. 210.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 278.

³⁸ Там же. С. 294.

³⁹ ГАРФ. Р4459-27-15510. Л. 38.

Батчелор намеревался основать коммунистическую ячейку по возвращению в США под названием «бывшие военнопленные за мир» (по всей видимости, из числа тех, кто участвовал в деятельности Организации за мир американских и британских военнопленных). Батчелора признали виновным, уволили из армии и приговорили к пожизненному заключению. Впоследствии Военная комиссия штата Техас, откуда Батчелор был родом, пересмотрела его дело и сократила срок до 20 лет тяжелых работ [11. С. 1102].

Некоторые из этих 21 «не-репатриантов» впоследствии вернулись в США. Отто Белл, Льюис Григгс, Уильям Коварт вернулись из Китая в сентябре 1955 г., Кларенс Адамс — в 1965 г. накануне Культурной революции, а также Морис Уиллс — тоже более 10 лет спустя. Несмотря на малочисленность «не-репатриантов», само их наличие вкупе со сведениями о поведении американских военных в северокорейском плену стало основанием для общественной дискуссии на тему «моральной (духовной) слабости американских военнослужащих» уже после окончания Корейской войны [6. С. 4, 5]. Благодаря прессе, в США было известно, что американские военнопленные участвовали в радиопередачах, прославляя в них коммунизм и осуждая капитализм, подписывали «воззвания к миру», писали статьи, обвиняющие США в развязывании Корейской войны. Все это очень настораживало американскую общественность, запуганную антикоммунистической пропагандой. В 1955 г. в США вышла книга Вирджинии Пейсли «21 оставшийся», в которой на основе воспоминаний родных, друзей, учителей «не-репатриантов» рассказывалась история каждого из них. Книга была попыткой понять, как стало возможным, что эти американские граждане предпочли не возвращаться на родину⁴⁰.

В поисках «перевоспитанных» среди американских и британских военнопленных

Правительства США и Великобритании знали о том, что в лагерях военнопленных в Северной Корее ведется активная пропагандистская работа. Поэтому они были крайне озабочены тем, какое количество в итоге поддалось воздействию коммунизма, и тщательно подошли к вопросу интервьюирования при репатриации бывших американских и британских военнопленных на родину. В 1953 г. в Великобритании MI-5 провела расследование, которое «показало, что британские офицеры и старшие сержанты (около 12 % британских военнопленных) оставались совершенно незатронутыми коммунистической пропагандой. Из младших унтер-офицеров и рядовых около двух третей остались практически нетронутыми. Некоторые из остальных подверглись в достаточной степени индоктринации так, что MI-5 классифицировало их как сторонников коммунистов по возвращении домой после войны. Около

⁴⁰ *Pasley V. 21 Stayed. New York : Farrar, Straus & Cudahy, 1955.*

40 британцев вернулись домой из Кореи как убежденные коммунисты»⁴¹. Два года спустя, на слушаниях в британском парламенте в апреле 1955 г. рассматривался вопрос обращения с военнопленными в северокорейских лагерях. Обсуждение было вызвано публикацией 27 февраля Министерством обороны Великобритании брошюры «Treatment of British Prisoners of War in Korea», в которой говорилось о фактах серьезной идеологической обработки британских военнослужащих в корейском плену. При этом всех очень волновало то, какое количество из вернувшихся на родину бывших британских военнопленных могли быть скрытыми сторонниками коммунизма. Точных данных, конечно, никто не мог сообщить, ни Министерство обороны, ни разведка⁴².

В США для мониторинга бывших американских военнопленных сразу после их освобождения в 1953 г. были созданы специальные комиссии (the Joint Intelligence Processing Boards), включавшие военных психиатров, психологов, сотрудников разведки. Они часами опрашивали бывших военнопленных на кораблях, следовавших в США из Пусана, пытаясь выявить признаки «коммунистического перевоспитания» и государственной измены. По воспоминаниям Ирва Лангелла, «нас допрашивали каждый день по 8 часов. Никого не волновало наше здоровье. Я могу вам гарантировать, черт возьми» [11. С. 1104]. Впоследствии материалы допросов были использованы военными следователями для того, чтобы определить, кто должен предстать перед военным судом, а кто перед гражданским. В итоге после тщательного изучения данных допросов в министерствах обороны и юстиции 192 американцам — ветеранам Корейской войны ФБР предъявило обвинения в совершении тяжких преступлений. Но на этом история бывших американских военнопленных не закончилась — еще долгие годы они и члены их семей оставались под наблюдением ФБР, которое сомневалось в их «политической благонадежности» и могло вернуться к ним в любой момент с очередным допросом. Довлеющая подозрительность со стороны не только государственных органов, но и самого американского общества в отношении тех, кто побывал в коммунистической Северной Корее, привела к тому, что бывшие военнопленные предпочитали умалчивать о своем военном опыте [11. С. 1105].

С точки зрения характеристики морального состояния американских пленников в северокорейских (китайских) лагерях интересным представляются результаты исследования, проведенного на материалах допросов 579 бывших военнопленных по заказу министерства обороны США Дж. Сигалом и его группой из Университета Дж. Вашингтона. Им удалось установить

⁴¹ Felton M. War Zone — POW Camp, Korea 1952. 15 August, 2012. Military History Matters. URL: <https://www.military-history.org/feature/war-zone-pow-camp-korea-1952.htm> (дата обращения: 15.01.2026).

⁴² British Prisoners of War, Korea (treatment). HC Deb, 07 April 1955. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1955/apr/07/british-prisoners-of-war-korea-treatment> (дата обращения: 20.01.2026).

следующее: 1) около 70 % вернувшихся военнопленных «активно содействовали сознательно или несознательно усилиям коммунистов по ведению психологической войны»; 2) по меньшей мере 1 из 10 доносил на своего сослуживца-военнопленного хотя бы один раз; 3) около трети демонстрировали отсутствие интереса или сострадания по отношению к своим сослуживцам; 4) почти половина бывших военнопленных никогда никого не поощряла к сопротивлению [11. С. 1103–1104]. Как видим, результаты исследования весьма не в лучшем свете отображали воинский дух и нравы американских военнопленных.

26 октября 1957 г. газета «Нью-Йоркер» опубликовала статью американского журналиста Юджина Кинкида, бывшего тревогу по поводу масштабного сотрудничества американских военнопленных с пленившей стороной в годы Корейской войны. По его мнению, это было совершенно новое явление в американской истории, демонстрирующее упадок морали среди молодежи. Статья стала прологом к его двум монографиям: «In Every War but One» (американское издание, 1959 г.) и «Why they collaborated» (британское издание, 1960 г.), объединивших результаты исследований министерств обороны США и Великобритании по вопросу коллаборационизма американских и британских военнопленных в Северной Корее⁴³.

Мнение Ю. Кинкида отражало позицию военного психоневролога майора У. Майера, который собеседовал десятки бывших американских военнопленных. Майер считал, что американцы в Корее были «пассивны, мелкого калибра и принадлежали к поколению, которое было лишено таких стойких американских добродетелей, как преданность и патриотизм» [11. С. 1103]. Для людей, согласных с этим мнением, особенно из консервативных (республиканских) кругов, было совсем неудивительно, что американцы легко поддались коммунистической пропаганде в северокорейском плену. Высокая смертность среди американских военнопленных в годы Корейской войны, отсутствие успешных историй побега из лагерей также объяснялось их моральной слабостью. Вместе с тем в официальном докладе Консультативного совета по делам военнопленных министерства обороны США (1955 г.) оценка поведения американских военнослужащих в северокорейских лагерях не была столь однозначно негативной, хотя и двусмысленно отмечалось, что «корейская история никогда не должна повториться вновь» [12. С. 4]. Также были и другие правительственные отчеты с умеренными оценками поведения бывших военнопленных, но в силу того, что они не были доступны широкой публике, общественное мнение главным образом формировалось теми, кто мог донести свою позицию до массового читателя (Кинкид, Майер и др.).

В декабре 1957 г. в статье И. Фабера, Х. Харлоу, Л.Дж. Уеста американского журнала «Sociometry» рассматривались психологические аспекты поведения американских военнопленных в северокорейских лагерях. Посыл статьи,

⁴³ Kinkaid E. Why They Collaborated. London : Lowe & Brydone Limited, 1960.

подготовленной на основе отчета для исследовательского центра по обучению персонала ВВС США (1956 г.), заключался в том, чтобы опровергнуть популярное в американском обществе мнение о том, что коммунисты «промыли мозги» американским солдатам, поэтому последние, не сильно сопротивляясь, массово вступили в сотрудничество с пленившей стороной. Авторы статьи описывают поведение американских военнопленных как проявление синдрома слабости, зависимости и страха (*debility, dependency, dread, or DDD*). Последствиями данного синдрома являются нарушение ассоциативного мышления, примитивизация в языке и мышлении, необходимые для рассуждения и адекватного поведения. «Обеднение мышления может повысить восприимчивость к произвольным и грубым тренировочным процедурам, приводящим к относительно автоматическим и некритичным имитационным реакциям. Эта восприимчивость может быть дополнительно усилена тревогой и эмоциональностью» [13. С. 275]. Патриотичное и смелое поведение человека зависит от определенной комбинации сигналов и символов. С этой точки зрения, реакции, которые возникают у человека, переживающего синдром слабости, зависимости и страха, не представляет ничего необычного. «Скорее привычное отношение не проявляется, так как соответствующие сигналы удалены. Вернувшись домой при наличии адекватных сигналов, вернувшийся склонен действовать и чувствовать так же, как он действовал до заключения» [13. С. 279].

Фабер и др. также отмечают, что военнопленные плохо помнят, что с ним было в плену. И объясняется это все тем же синдромом, для которого характерны недостаточная стимуляция, нарушение реакции, снижение символической активности и дезорганизация временного охвата. Все это приводит к снижению ясности и силы впечатлений во время первоначального опыта и, таким образом, снижает способность к воспоминанию. В заключении статьи авторы сделали три предположения, основываясь на исследовании эмоционального, физического состояния человека с синдромом DDD. Во-первых, что коммунисты на самом деле не обладали какими-то особыми манипулятивными техниками («промывание мозгов»), которые снижали бы сопротивление военнопленных в лагерях. Во-вторых, если человек с таким синдромом выживает в лагере, то он вряд ли будет сопротивляться бесконечно. В-третьих, если синдром DDD достигает крайней степени, то некоторая степень согласия с пленившей стороной «может считаться естественным следствием действия обычных принципов человеческого поведения» [13. С. 282].

В 1960–1970-е гг. в США еще выходили работы, авторы которых в целом не поддерживали точку зрения о недостойном поведении американцев в северокорейских лагерях.⁴⁴ Так, например, Х. Вуббен попытался разобраться, от-

⁴⁴ *Rees D.* Korea. The Limited War. New York : St Martin's Press, 1964; *Biderman D.A.* March to Calumny. The story of American POWs in the Korean War. New York, London : The MacMillan company, 1963.

личалось ли как-то поведение американских военнопленных в годы Корейской войны от других войн и насколько обоснована критика об их «моральном упадке». В итоге исследования разных источников, материалов, он пришел к выводу, что поведение американских военнопленных в корейских лагерях не было каким-то особым по сравнению с тем, что наблюдалось в немецких и японских лагерях в годы Второй мировой войны. Т.е. американские военнопленные вели себя в корейских лагерях так же, как и в годы Второй мировой войны, когда условия содержания пленных были наихудшими. Вуббен цитирует Морриса Уиллса, одного из 21 американца, кто отказался от репатриации в январе 1954 г., но потом все-таки вернулся в США спустя более 10 лет. Уиллс, как очевидец, писал о поведении военнопленных: «Вы действительно не можете беспокоиться о другом; вы сами находитесь на грани существования. Если вы перейдете через нее, вы умрете. Вы бы помогали друг другу, если бы могли. Большинство попыталось бы; я бы не сказал, что все» [12. С. 11]. То, что было действительно отличительным в случае с Корейской войной, это не поведение американских военнопленных, а отношение американской общественности к ветеранам, чье поведение якобы не соответствовало идеальным стандартам. «Впервые общественность, похоже, предположила, что такое эгоистичное и недисциплинированное поведение, существовавшее среди военнопленных, было чем-то новым в американском военном опыте и что это было прямым следствием ухудшения характера самой нации» [12. С. 19].

Заключение

Разделение военнопленных на «коммунистов» и «антикоммунистов» красной линией проходит через всю историю Корейской войны. Те, кого причисляли к той или иной группе, на самом деле могли и не быть убежденными коммунистами или антикоммунистами, но в силу обстоятельств на них повесили определенный ярлык. Предложенная американцами «добровольная репатриация» только усилила раскол в лагерях по идеологическому принципу. Каждая группа стремилась привлечь на свою сторону как можно больше военнопленных, используя различные методы: просветительство, шантаж, угрозы. Конфликты в лагерях ООН между «коммунистами» и «антикоммунистами» были частым явлением, заканчиваясь нередко гибелью военнопленных. В китайско-северокорейских лагерях занимались «перевоспитанием» американских и британских военнопленных с целью формирования у них устойчивых представлений о преступности действий правительств США и других государств, вмешавшихся во внутренние дела Кореи. После освобождения эти военнопленные оказались под подозрением разведывательных служб своих государств и гражданского общества. Иными словами, десятки тысяч военнопленных стали объектом идеологической пропаганды и манипуляции со стороны как США, командующими силами ООН, так

и КНДР и КНР. Идеологическое противостояние сторон было, таким образом, одним из важных факторов, определивших условия пребывания военнопленных в лагерях и в целом их дальнейшую судьбу.

Список литературы

1. 김보영. 한국전쟁 포로협상과 중국군 포로의 선택 // 서학연구. 2016. Vol. 123. 쪽. 177–210. [Ким Б. Переговоры о военнопленных в годы Корейской войны и выбор военнопленных — китайских коммунистов] // Сохак ёнгу. 2016. Т. 123. С. 177–210.
2. Lundin C.E., Jr. Repatriation of prisoners of war: the legal and political aspects // American Bar Association Journal. 1953. Vol. 39. № 7. P. 559–563.
3. Ванин Ю.В. Корейская война (1950–1953) и ООН : монография. М. : Институт востоковедения РАН, 2006. 287 с.
4. 김동길. 휴전협상에서 북·중·소 3국의 태도 변화 및 결과. 한국과 국제정치. Vol. 35 (3). 쪽. 27–66. [Ким Д. Изменения позиций Северной Кореи, Китая и Советского Союза на переговорах о перемирии] // Корея и Мировая политика. 2019. Т. 35. № 3. С. 27–66. <https://doi.org/10.17331/kwp.2019.35.3.002>
5. Торкунов А.В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 312 с.
6. Latham C.W.Jr. Cold Days in Hell. American POWs in Korea. Texas : Texas A&M University Press, 2012. 314 p.
7. Ким Н.Н. Американские и британские военнопленные в Северной Корее: из истории движения за мир в годы Корейской войны (1950–1953) // Путь их всегда предо мной... : сб. науч. статей по корееведению к юбилею д-ра ист. наук, проф. Сергея Олеговича Курбанова. СПб. : Изд-во РХГА СПб, 2023. 292 с.
8. Benard C., O'Connell E., Thurston C.Q., Villamizar A., Lored E.N., Sullivan T., Goulka J. Korean war prisoners // The Battle Behind the Wire: U.S. Prisoner and Detainee Operations from World War II to Iraq. RAND Corporation, 2011. Pp. 17–32. <http://www.jstor.org/stable/10.7249/mg934osd.11>
9. Tang X. A study of the Chinese POW repatriation issue of the Korean war focusing on the interactions between the internal situation of the POW Camps & the Process of the Truce Negotiations : Master's Thesis of International Studies. Seoul : Seoul National University, 2021.
10. Barnes R. The US, the UN and the Korean War. Communism in the Far East and the American Struggle for Hegemony in the Cold War. London, New York : I.B. Tauris, 2014. 372 p.
11. Keene J. Lost to public commemoration: American veterans of the forgotten Korean War // Journal of Social History. 2011. Vol. 44. № 4. P. 1095–1113.
12. Wubben H.H. American prisoners of War in Korea: a second look at the “Something new in history” // American Quarterly. 1970. Vol. 22. № 1. P. 3–19.
13. Farber I.E., Harry F.H., West L.J. Brainwashing, conditioning, and DDD (debility, dependency, and dread) // Sociometry. 1957. Vol. 20. № 4. P. 271–285.

Информация об авторе:

Ким Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, директор Международного центра корееведения, МГУ имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11/1; доцент Института востоковедения и африканистики, НИУ ВШЭ, Российская Федерация, 190068, Санкт-Петербург, Канала Грибоедова наб., д. 123, e-mail: nkim@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0001-7728-7968. SPIN-код: 2804-0219.